

Поэтический образ завоевания в Слове—„испити шеломомъ Дону“—переведен в Задонщине, как и в ряде позднейших исторических повестей, в реальный план: „испиемъ, брате, шеломомъ своимъ воды быстрого Дону“. Ср. в послании Грозного Курбскому: „и коней наших ногами переехали все ваши дороги.. и воду во всех тех местах пили“ (РИБ, т. XXXI, СПб., 1914, стб. 123); или—в Повести об Азове: „козаки.. воды из Дону пить не дают“. Между тем Слово в данном случае идет за старой стилистической традицией, отраженной в летописи: „Тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотом шеломомъ Донъ“ (Ипат. 1201, стб. 716) или „я поилъ есмь коне Тъхвърью, а еще Волховомъ напою“ (Новг. 1, СПб., 1888, стр. 221). Мазон даже не ставит вопроса, почему же предполагаемый им автор XVIII в. оказался ближе к древней формуле летописи XIII в., чем к своему „modèle principal“—Задонщине, почему вообще он задумал архаизировать этот стилистический оборот. Значит рядом с Задонщиной у него лежала Ипатьевская или близкая к ней летопись, он по ней проверил формулу Задонщины, определил ее отход от „старых словес“ и выправил эту формулу? Иначе как же объяснить разницу между Задонщиной и Словом? И все это вместо того, чтобы отметить упрощение, прозаическую передачу в Задонщине устаревшей к XV в. поэтической формулы XII в.

Совершенно непонятен комментарий Мазона к сопоставляемым эпизодам: „Грозы твоя по землям текут.. Стреляй, господине, Кончака, поганого Кощея..“ в Слове и „Уже грозы великого князя по всей земли текуть. Стреляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина..“ в Задонщине. Конечно, и здесь, по Мазону, в Слове оказывается „вариант более звучный, чем сильный“, тогда как в Задонщине—источник этого „варианта“. Смысл этого эпизода Задонщины почему-то связывается с собиранием Русской земли под властью Москвы и вообще с настроениями „патриота XVI в.“, „готового принять доктрину третьего Рима“ (стр. 73). Но кто доказал, что этот эпизод появился в Задонщине в XVI в., или что уже Софония был пропитан идеями „третьего Рима“? Так легко и безответственно расправляется Мазон с текстом Задонщины.

Сопоставляя Слово с Задонщиной, А. Мазон оставил без объяснения следующий факт. В Слове, отражающем в данном случае народно-поэтический язык, систематически поэтический эпитет с эмоциональным оттенком выражается постпозитивным положением прилагательного.¹ В Задонщине такая система отсутствует: „великий князь“ и „князь великий“, „гуслеными буйными словесы“, „в руской земли“, но „за землю рускую“, „красных дней“, „синии небеса“, „сильному граду“, но „колоколы вечныя“; „быструю реку“, „черному ворону“, „храбрых удалцов“,

¹ Акад. С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, М.—Л., 1946, стр. 172 и сл.